

Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1

© Ткаченко А.А.^{a,b}, Ткаченко К.А.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Резюме. Арабский Восток, включая страны Северной Африки - Арабский Магриб и Египет, а также Арабский Машрик, находящиеся на разных этапах социального транзита, в последние десятилетия, главным образом в 2000-е гг., претерпевают существенные, качественные изменения.

В странах Арабского Востока с середины XX в. на этапе обретения многими государствами политической независимости ускорилось промышленное развитие, доминирующие позиции в экономике занял государственный сектор, в целом возросло государственное регулирование хозяйственной жизни. Усилилось влияние государства на все ключевые сферы общественно-политической жизни - формирование соответствующих структур и институтов трех ветвей власти, культуру, включая систему образования и науки, здравоохранение и т. д. Процессы обновления, трансформации получили дополнительный импульс в результате беспрецедентных политических потрясений, произошедших в регионе на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., ускорения глобализации, включая формирование единого мирового информационного пространства, цифровизации. Статья посвящена, главным образом, анализу основных факторов, влияющих на формирование нового социального облика государств Северной Африки.

Ключевые слова: Северная Африка, глобализация, модернизация, технологический переход, социальный транзит, социальные общности, нации, этносы, конфессии

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 43-50. DOI: 10.31857/S032150750022931-6

North African countries in XXI century: The processes of formation of a new social appearance. Part 1

© Alexander A. Tkachenko^{a,b}, Konstantin A. Tkachenko^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Abstract. The countries of North Africa, which are currently at different stages of social transit, have been undergoing significant, qualitative changes in recent decades, mainly in the 2000s.

The evolution of the social image of the Arab States has become one of the most important consequences of the ongoing large-scale transformations in this region and, more broadly, in the globalized world. Geopolitical and geoeconomic parameters/features of the object of the study - the North African countries with their hundreds of tribes and clans predetermine significant differences in the nature and dynamics of transformation and development of selected states. This is due to significant differences in historical-cultural development, ethnic and confessional composition within a large group of countries, and their population. This group includes numerous states that differ in natural and geographic environment and have a rich historic background with its particular case in each country.

Today there exists a rather mixed picture of positions that selected countries of the region hold in the "world ranking" of the level and dynamics of economic development, quality of human capital, scale of poverty, framework conditions for investment, demographic factor, urbanization, environmental protection, etc. All of this directly affects implementation of renovation/modernization concept - the key mega trend of social development of the region in recent decades. On the whole, for the past 50 years the shifts have been limited (but anyone could say that this is just the beginning). This article is devoted mainly to the analysis of the factors influencing the formation of a new social image of the North African countries.

Keywords: North Africa, globalization, modernization, technological conversion, social transit, social communities, nations, ethnoses, confessions

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. North African countries in XXI century: The processes of formation of a new social appearance. Part 1. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 43-50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022931-6

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие с середины - последней трети XX в. социальные сдвиги в странах Северной Африки включают численный рост традиционных и появление новых социальных слоев. Среди наиболее многочисленных и значимых выделяются следующие:

- наемные работники практически во всех сферах общества;
- промышленный и сельскохозяйственный рабочий класс;
- представители свободных профессий, «белые воротнички»;
- так называемый средний класс;
- слой крупных собственников - промышленников, банкиров, владельцев коммерческих компаний, фондов и других финансовых организаций;
- «бюрократическая буржуазия».

В отдельных государствах, обладавших исключительными природными ресурсами, в частности нефтегазовыми, добившихся с последней трети XX в. экономического рывка в своем развитии, сложились особые страты, слои, частью которых стали представители относительно узкого слоя ближайшего окружения глав правящих режимов, этнических, родоплеменных кланов и т.п.

Процесс социального обновления, трансформации со всеми его изгибами, поворотами, кризисами и подвижками растянулся на несколько десятилетий на фоне постепенного догоняющего развития и экономики, и общества, и государства в условиях хозяйственной, а в отдельных странах и политической модернизации, (ограниченной) либерализации. Вытекающий из внутренней логики его конечный результат состоит в формировании хозяйственной, административной и правовой основ более устойчивого, способного к саморазвитию общества, прежде всего его экономики.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Вследствие роста числа занятых в формируемых на этапе политической независимости структурах и институтах трех ветвей власти - различных государственных органов - представительных, исполнительных, судебных, СМИ, развития системы образовательных учреждений разного уровня, включая высшие учебные заведения, профессиональные училища, а также научно-исследовательских институтов и центров, сети медицинских учреждений, резко выросла численность «белых воротничков», представителей свободных профессий [1, с. 44-50]. Часть из них формируют наиболее важные составляющие новой социальной общности - функционеров, активистов отдельных общественных структур, партий и движений пока еще только нарождающегося гражданского общества. Причем провести четкую грань между отдельными группами, социальными стратами на этапе социального транзита в ряде случаев представляется либо трудным, либо даже невозможным как в силу переходного характера развития рассматриваемых государств, так и заметного усложнения всей динамично меняющейся хозяйственной сферы, общественно-политической жизни [2, с. 54-61].

Рост численности т.н. бюрократической буржуазии - одна из наиболее значимых особенностей обновляемого социального облика стран с переходной и не вполне зрелой рыночной экономикой. Этот слой новых собственников капиталов - материальных и финансовых - образовался главным образом на этапе растущего доминирования государства в хозяйственной жизни стран Северной Африки и шире - в типологически близких к ним странах Ближнего Востока. Представители этого слоя полностью или частично «заместили» в отдельных странах многочисленный слой колонистов, владевших собственностью в ключевых отраслях экономики, чиновников колониальной администрации.

Среди других факторов, формирующих новый социальный облик государств Северной Африки, необходимо выделить следующие:

- экономическое развитие, модернизация/хозяйственные реформы (характер, динамика, масштабы, промежуточные итоги);
- глобализация, кризис глобализации;
- культурно-цивилизационный прогресс, трансформация/эволюция этно-конфессионального пространства;
- миграционные процессы;
- демографические тренды, стремительная урбанизация;
- меры по сохранению природной среды, смягчению экологических проблем.

Каждый из факторов вносит свою лепту в формирование социальной структуры - социального облика рассматриваемых стран региона. Но в целом именно экономические тренды, одна из важнейших составляющих глобализации, в т.ч. числе и на современном этапе, когда её более или менее «плавное» течение сменилось на кризисную фазу, выполняют такую «работу» в наибольшей степени и при этом они несут на себе печать влияния прочих факторов, находясь в динамической взаимосвязи с ними. Это проявляется в численном росте промышленных работников/рабочих вследствие начавшейся доиндустриализации в середине XX в. на этапе независимого развития, а в целом ряде стран - продолжающейся индустриализации, складывающегося на рубеже XX-XXI вв. курса на модернизацию экономики, социальной сферы и политиче-

ского пространства. Эти процессы запустили трансформационные качественные изменения социального облика стран Северной Африки и шире.

При этом глобализация в большой мере влияет на социокультурную сферу, в т.ч. на разнообразные составляющие / профессиональные группы в области культуры, включая СМИ, литературу, различные жанры искусства, занятых в сфере интернета (провайдеры, специалисты IT и т.п.). Несомненно, таким важнейшим составляющим глобализации, как сложившееся единое информационное пространство, цифровизация, принадлежит особая роль (о быстро растущей численности занятых в этой сфере говорит статистика: скачкообразный рост в 2000-е гг. количества мобильных телефонов, сетей и разнообразных структур, их обслуживающих, в рассматриваемых странах).

Появляется, всё более «повинуясь» закономерностям цивилизационного развития, и всё более утверждая свое влияние, элемент общемировой культуры во всем её многообразии, неоднозначности/противоречивости, постепенно стирая либо, напротив, усиливая (отдельные участки) границы, степень взаимовлияния между цивилизациями, континентами, странами, социальными общностями, этносами и нациями, конфессиями, формируя «человека» - «причудливый» синтез человеческих типов, образов - социальных фигур XXI века. Для Периферии, но и не только, этот процесс «плавильного котла» особенно заметен и значим, как особенно заметны контрасты между наступающим (со знаком плюс или минус) модерном и неистово сопротивляющейся архаикой, терпящей поражение или, напротив, пусть и временно, побеждающей.

Важно подчеркнуть - именно этот, пусть и очень тонкий слой, оказывает широкое воздействие, влияние на качественные изменения политической культуры, социально-политической жизни, во многом формируя в XXI веке в целом (перво)основу нарождающегося гражданского общества (со всеми плюсами и неизбежными минусами, перекосами и т.п.). Один из убедительных примеров - выход на стабильно очень высокие показатели электральной активности населения целого ряда мусульманских стран [3, р. 204].

Миграционный цунами - порождение группы факторов, в т.ч. глобализации и её кризисной нынешней фазы, отличительной чертой которой является вспыхнувшая борьба между приверженцами и противниками однополярного и многополярного подходов в конкурентной борьбе на мировой арене, казалось бы, не столь сильно, как экономические процессы, влияет на формирование нового социального облика рассматриваемых стран, относящихся к Периферии. Но на деле оно привнесло качественно новые черты в этот облик.

Сложившиеся многочисленные мусульманские общины (только в объединенной Европе их численность, по разным оценкам, составляет около 19 млн человек и более) с учетом миграционной волны последнего периода¹ и числом, и своей активностью проявили себя в качестве весьма влиятельной электральной и шире составляющей внутривнутриполитической силы (в особенности на фоне относительно индифферентной многочисленной не участвующей в выборах части местного, национального электората). Итак, мигрант из Северной Африки и с Ближнего Востока стал неотъемлемой частью социума XXI века как в промышленно развитых демократиях - в Европе, Северной Америке и т.д., так и в странах истоков миграции, добавив в социальный облик каждой из них своеобразные черты.

СТРАТЫ ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ - СИНТЕЗ СТАРОГО И НОВОГО В ОБЛИКЕ ОБЩЕСТВА ИЛИ РОЖДЕНИЕ КАЧЕСТВЕННО НОВОГО

В силу недостаточности необходимой информации, содержащейся, прежде всего, в социологических исследованиях, пока можно говорить лишь об очерках формирующейся, складывающейся, нарождающейся в отдельных странах региона к началу третьего десятилетия XXI в. социальной структуры стран Северной Африки.

В процессе социальной эволюции традиционные страты в одних странах во многом, в других лишь частично сохранили прежние отличительные качества и по названию, и по содержанию, и по сути. Это наемные работники в городе и деревне, представители свободных профессий, предприниматели - малый бизнес, средний и крупный бизнес, а также безработные (полностью и частично, временно), беднейшие слои, «социальное дно», пауперы.

За период с середины XX в., т.е. в условиях политической независимости, с начавшейся ломки прежнего колониального уклада образовались и выросли численно, по меньшей мере в 2-3 раза, «новые» группы, слои, общности и страты, находящиеся в стадии формирования их более устойчивых признаков, качеств. Свои коррективы, и существенные, в социальный облик североафриканских государств вносят процессы урбанизации. Они отличаются особо высокими темпами с начала XX в. Фигура горожанина на рубеже веков преобладает и замещает ранее доминировавшую фигуру сельского жителя.

¹ World Migration Report 2022. ИОМ. Р. 10. <https://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/IOM-WMR-2022.pdf> (accessed 08.09.2022); Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность. М., ИАФР РАН. 2022, с. 6-8.

Таблица 1 дает представление о динамике одного из важнейших факторов, определяющих современный социальный облик североафриканских государств, - изменении в структуре национальных экономик стран Северной Африки. Для сравнения приводим статистику и по некоторым странам Ближнего Востока.

Таблица 1. Объем производства и доля в ВВП основных отраслей в странах Арабского Востока в 2010-2020 гг.
Table 1. Volume of production in the main economic branches and its share in GDP of the Middle East countries (2010-2020)

Страна	ВВП*, \$ млрд		Сельское хозяйство, %		Промышленность, (в т.ч. обрабатывающая), %		Сфера услуг, %	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Алжир	161,2	145	8,5	14,1	40,9(39,0)	30,3(18,8)	39,2	48,7
Египет	219,0	365,3	13,3	11,6	35,8(16,1)	32,0(16,4)	46,2	51,8
Ливия	74,8	25,4	1,8	...	77,5(...)	4,5(...)
Марокко	93,2	114,7	12,9	11,7	25,7(15,6)	26,1(15,3)	51,0	50,8
Тунис	46,2	41,6	6,8	10,1	29,5(15,7)	21,7(13,5)	55,9	61,0
Судан	59,0	21,3	31,9	20,4	21,1(5,1)	23,3(...)	30,8	36,3
Мавритания	5,6	7,9	16,7	20,2	38,2(6,7)	28,8(6,1)	39,9	42,5
КСА	528,2	700,1	2,6	2,6	58,4(11,0)	41,4(13,0)	39,2	56,2
Ливан	38,4	31,7	3,9	3,0	13,8(7,7)	6,9(3,1)	71,9	87,2
Иордания	27,1	43,7	3,6	5,2	26,3(18,9)	23,9(17,3)	59,1	61,6
Ирак	138,5	166,8	5,2	5,9	55,8(2,3)	41,1(3,0)	39,7	54,3
Оман	65,0	74,0	1,2	2,6	63,3(10,0)	47,5(8,0)	39,9	54,7
Сирия	252,5	22,8	19,4	39,8	30,4(...)	18,1(...)	50,1	42,1
Катар	125,1	144,4	0,1	0,3	73,2(12,5)	52,3(7,9)	28,6	52,7

* По официальному курсу.

Составлено по: World Bank. World Development Indicators. 2022. NY. UN. Economy. 4.2; The World Factbook. Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Libya, Morocco, Syria, Iraq, Saudi Arabia; Kuwait, Sudan, Qatar, UAE, Oman, Bahrain, Tunis, Yemen. 2022. cia.gov/the_world_factbook/ (accessed 12.08.2022)

Изменения в структуре национальных экономик стран региона, произошедшие за второе десятилетие (2010-е гг.), не поддаются однолинейной оценке из-за страновых особенностей, существенных различий по многим параметрам. Вместе с тем выделяется общий тренд, который во многом носит определяющий характер для формирующегося «социального портрета» региона БВСА: почти во всех странах происходит стабильный рост масштабов сферы услуг, её доли в ВВП, заметно численно умножились социальные слои, включающие занятых в различных областях сферы торговли и образования, а также в медицинских учреждениях, государственных службах, включая армию и т.д.

Этот тренд можно было бы расценивать как в основном позитивный, рассматривая его под углом зрения долгосрочных тенденций цивилизационного развития в регионе и в мире. Однако в его основе лежат не только позитивные подвижки, как то: рост отраслей, предоставляющих разнообразные как традиционные, так и современные/ультрасовременные, высокотехнологичные виды услуг. Для многих из них характерна априори более высокая производительность труда, опирающаяся на более современные и высокотехнологичные виды хозяйственной деятельности, начатые хотя и относительно недавно, но относительно динамично и более или менее стабильно развивающиеся, в т.ч. сервисизацию и цифровизацию экономик.

Вместе с тем, этот тренд являет собой и признак вынужденного («застойного») роста сферы услуг - неформального сектора, служащего пристанищем избыточной рабочей силы. К этому следует добавить стагнацию или даже падение, пусть и небольшое, доли обрабатывающей промышленности в ВВП (при заметном росте абсолютных показателей производства). Это отражено в показателях по 8 из 13 государств, по которым имеется соответствующая статистика. В их числе - Алжир, Марокко, Тунис, Мавритания, Ливан, Иордания, Оман, Катар. Несомненно, на данном тренде сказались кризисные (временные) явления, связанные в основном с пандемией и с мировым финансовым кризисом 2009 г., а также с политическими потрясениями.

Несколько иная, но более противоречивая картина складывается с ролью традиционно ключевой отрасли - сельского хозяйства. Мировой тренд здесь связан с идущими в разных странах региона с различной

скоростью процессами перестройки отраслевой структуры национальных экономик, её облагораживания и с постепенной утратой высокой в прошлом доли сельского хозяйства в ВВП на фоне возрастающего значения, доли сферы услуг и промышленности.

Эти процессы испытывают тормозящее влияние со стороны мер по сохранению таких исключительно важных социальных функций, как обеспечение занятости населения, поддержка национального источника продовольствия в целях сдерживания роста бюджетных расходов на импорт продовольственных товаров при обеспечении более или менее гарантированной продовольственной безопасности. Под влиянием указанных факторов в странах региона в рассматриваемый период складывалась неоднозначная, довольно мозаичная картина.

В ряде государств Северной Африки - Алжире, Тунисе, Мавритании - доля отрасли в ВВП во втором десятилетии текущего столетия даже возросла. Для сравнения - подобная картина наблюдалась и на Ближнем Востоке - в Иордании, Ираке, Омане, Сирии. Напротив, в Египте, Марокко, Судане, а также в Ливане, она снизилась. В группе ближневосточных стран - Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии - осталась на том же уровне, что и в 2010 г.

Причины такого положения внутри каждой группы определялись не только общими, но и местными, национальными/страновыми особенностями, которые требуют более подробного, детального анализа и немалого круга дополнительных и достоверных статистических, фактических данных.

Важно еще раз подчеркнуть то, что не только сохраняется, но и возрастает социальная значимость сельского хозяйства (среди прочих) как сферы приложения труда, занятости в условиях хотя и снижающегося, но все еще довольно высокого демографического роста и относительно ограниченной способности развивающейся промышленности, да и различных сегментов сферы услуг абсорбировать значительные массы численно растущего трудоспособного населения.

В этой связи заслуживает внимания более детальный анализ динамики за ряд лет отраслевой структуры занятости населения стран РБВСА - насколько она совпадает с отмеченными выше трендами (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение самодельного населения, занятого в различных отраслях экономики стран Северной Африки и Ближнего Востока в середине - конце второго десятилетия XXI в.
Table 2. Quantity and share of the population engaged in different economic branches in North Africa and Middle East countries (middle - end of the second decade, XXI century)

Страна	Численность занятых в экономике, млн	Доля занятых в промышленности, %		Доля занятых в сельском хозяйстве, %		Доля занятых в сфере услуг, %	
		2015	2020	2015	2020	2015	2020
Алжир	10,86	30,9	32,3	11,8	10,8	55,9	57,5
Египет	24,1	30,0	31,9	22,2	20,5	47,8	47,6
Марокко	9,4	25,5	26,1	30,1	27,4	44,5	46,5
Ливия	1,1	25,6	27,9	19,1	16,6	55,2	55,4
Тунис	4,0	33,0	33,7	16,4	15,3	50,5	50,9
Судан	11,9	21,4	21,1	35,9	33,6	42,7	45,3
Ирак	8,9	23,7	23,8	20,9	18,7	55,4	57,6
КСА	13,8	26,0	28,2	7,0	2,7	67,0	69,1
ОАЭ	5,3	40,3	40,1	2,4	1,7	57,3	58,3

Составлено по: The World Factbook. Algeria, Egypt... cia.gov/the_world_factbook/economy/ (accessed 12.08.2022); World Bank. World Development Indicators. 2022. Employment by Sectors. <https://wdi.worldbank.org/table/2.3> (accessed 10.08.2022)

Отраслевая структура занятости отражает сдвиг, произошедший в экономике стран региона БВСА в последние десятилетия в результате упора на диверсификацию отраслевой структуры хозяйства в пользу современных отраслей, инновационных видов производства товаров и услуг, развития национальной промышленности (доиндустриализация). Доля занятых в промышленном секторе большинства стран Северной Африки - Алжира, Египта, Туниса, Ливии, а также ближневосточных государств - Иордании, Ирака, Марокко, Омана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Сирии - варьируется в пределах значимых величин - от 15 до 30% и более от всей численности рабочей силы. В некоторых из них - Алжире, Египте, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии, Марокко, Тунисе - даже за относительно короткий срок - пятилетие - доля занятых в промышленности возросла.

Разумеется, отраслевая структура промышленного сектора в каждой из рассматриваемых стран отличается составом подотраслей. Общим для всех рассматриваемых государств является наличие обширной по местным меркам группы отраслей легкой промышленности, производящих продукцию массового спроса - от продовольственных товаров до текстиля, одежды и обуви, мебели и кухонной утвари.

Входящие в эту группу предприятия численно преобладают среди промышленных, и основная их масса представляет собой небольшие, мелкие фабричные производства и мастерские с числом занятых от 5-10 до 30-50 человек. В основном они опираются на сырье местного производства, их технический уровень относительно невысок. Они, как правило, отличаются низкой или невысокой конкурентоспособностью и то лишь на внутреннем национальном или субрегиональном рынке. Многие из них работают на грани выживания: по оценкам экспертов, не менее 30% из их числа при открытии местных рынков обанкротятся в условиях либерализации внешнеэкономических связей и наплыва товаров из промышленно развитых стран. Еще треть будет существовать на грани разорения, слияния, реструктуризации, сохраняя шансы на выживание.

В то же время почти во всех странах региона появились и получили заметное развитие промышленные предприятия с современным высокотехнологичным оборудованием, хотя большинство из них сосредоточены в традиционных отраслях, где ультрасовременные технологии или почти отсутствуют, или применяются в ограниченных масштабах. Это предприятия в сфере энергетики, металлургии, производства строительных материалов, отдельных узлов и агрегатов различных видов машин и оборудования, в особенности военной техники и амуниции, электроники. Хотя численность занятого в них персонала относительно невелика, тем не менее она значительна, и это уже по многим характеристикам достаточно современный промышленный рабочий класс. По разным оценкам, его доля составляет от нескольких процентов всех фабрично-заводских рабочих до 10-15%, в отдельных странах - крупных экспортерах углеводородов - до 25%.

Анализ долгосрочных программ национального развития большинства рассматриваемых государств указывает на то, что диверсификация, облагораживание структуры национальных экономик, их более глубокое вхождение в мировое хозяйство продолжатся, как и соответствующие изменения в численности и структуре промышленных работников. Естественно, с выраженными страновыми особенностями по скорости, масштабам, отраслям и подотраслям. В странах-экспортерах углеводородов такая тенденция носит более динамичный характер, хотя и здесь ощущается заметное торможение, а то и её блокировка из-за возросшей внутриполитической нестабильности на отдельных исторических этапах.

Важно подчеркнуть - промышленный персонал не только растет численно, но и меняется качественно в результате формирования сектора высокотехнологичных подотраслей. На это указывают данные табл. 2 и 3. Так, за пятилетие - с 2015 по 2020 г. - доля обрабатывающих отраслей увеличилась в каждой третьей из 15 рассматриваемых стран.

Наряду с другими данными, такими как рост масштабов и доли сферы услуг, эта тенденция свидетельствует о продолжении, по сути, эволюции социального облика после «арабской весны» и пика мирового финансово-экономического кризиса на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. Эта эволюция неоднозначна, как и другие значимые процессы, в ней сочетаются черты прогресса, восхождения (появление и численный рост современных страт, групп, профессий, в т.ч. специалисты IT, программисты, провайдеры, эксперты консалтинговых фирм и компаний) с чертами негативными - рост числа безработных, бедных, криминальных лиц и организаций и т.д.

Социологические исследования указывают на такую важную их черту, как переходный характер профессий - рост сочетания сфер, видов занятости с соответствующими сопутствующими этому профессиональными данными, деловыми этическими нормами и т.д. (как со знаком плюс, так и минус) [2, с. 54-61].

Второй фактор, повлиявший на изменения структуры занятых в экономике, - это естественный и искусственный/вынужденный рост сферы услуг. Однако этим не ограничиваются тенденции, складывающиеся в сфере занятости. На вероятные изменения в сфере занятости самодостаточного населения указывают и другие подвижки, произошедшие за первые два десятилетия.

Прежде всего, привлекают внимание масштабы безработицы, а также её высокая доля среди в известной мере ключевого страта - молодежи.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в.

Масштабы безработицы в странах региона существенно различаются. Можно выделить по этому показателю три группы стран.

В **первой**, в которую входят главным образом государства, охваченные вооруженными конфликтами - Ливия, Сирия, Йемен, Судан, где уровень безработицы особенно высок - от почти 20% до 50%. Это запредельный уровень. Но и в отдельных других государствах (**вторая** группа - 6 государств) его вряд ли можно оценить как удовлетворительный - от 12-13% до 15-19%. И лишь в **третьей** группе (4 государства), со-

стоящей из крупных экспортеров углеводородов, данный показатель невелик. Однако в большинстве государств региона - 15 - исключительно высока доля безработицы среди молодежи - наиболее массовой возрастной группы населения ближневосточных стран.

Кардинальное решение проблемы с занятостью путем создания новых рабочих мест требует огромных средств, доступность которых через бюджетные источники пока ограничена. Разумеется, в большинстве рассматриваемых стран реализуются государственные программы создания новых рабочих мест. Но пока не удалось переломить ситуацию к последовательному сокращению различных форм безработицы.

Таблица 3. Социальная структура некоторых стран Северной Африки и Ближнего Востока в начале третьего десятилетия XXI в.
Table 3. Social structure of some North African and Middle East countries at the beginning of the third decade of XXI century

Страна	Число занятых в экономике, млн	Безработные*, %	Предприниматели**, крупный, средний и малый бизнес, %	Владельцы мастерских, хозяйств, не использующие наемный труд, %	Наемные работники, %	Доля населения с самыми низкими доходами***, %	Численность мигрантов, работающих за рубежом, млн (2015)
Алжир	10,9	13,6 (39,3)	7	30	63	0,4	1,8
Египет	24,1	12,7 (19,2)	15	35	50	6,5	3,3
Марокко	9,4	9,2 (22,2)	10	40	50	0,9	2,8
Тунис	4,0	15,5 (34,9)	25	35	40	0,2	0,7
Судан	11,9	19,6 (32,6)	15	45	40	2,2	1,9
Ливия	1,1	30,0 (48,7)	-	...
Мавритания	1,4	10,2 (21,1)	3	70	27	6,0	...
Кувейт	2,7	1,1 (15,4)	10	45	45	-	Менее 0,1
Ливан	2,2	9,7 (23,4)	15	35	50	-	0,8
ОАЭ	5,3	1,6 (7,2)	30	35	35	-	0,1
КСА	13,8	6,0 (27,2)	10	35	55	-	0,3
Иордания	0,7	19,1 (37,3)	9	25	66	0,1	...
Оман	2,3	... (13,7)	-	Менее 0,1
Катар	2,0	8,9 (0,4)	15	40	45	-	Менее 0,1
Ирак	8,9	6,0 (25,6)	1,7	1,5
Йемен	7,4	27,0 (24,5)	4	55	41	18,3	1,0

* В скобках указан процент безработных среди самой многочисленной возрастной группы самодеятельного населения - молодежи в возрасте 15-24 лет.

** Составлено на основе оценки численности крупных, средних и малых предприятий, сельскохозяйственных ферм, объектов торговли, образовательных, медицинских и других видов услуг.

*** Доход в день менее \$1,9.

Составлено по: World Bank. World Development Indicators. 2022. <https://wdi.worldbank.org/table/4.2> (accessed 14.07.22); International Labour Organization. ILOSTAT. Data Country Profiles. Resources. Statistics on unemployment and supplementary measures of labour underutilization. ilostat.ilo.org/topics/unemployment-and-labour-underutilization/# (accessed 15.08.2022); World Bank. 2022. World Development Indicators. Global Goals: ending poverty and improving lives. <https://wdi.worldbank.org/table/WV.2> (accessed 07.08.22); World Migration Report. 2022. <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (accessed 06.08.22)

В последние десятилетия упор делается на поощрении эмиграции в страны-экспортеры углеводородов Ближнего и Среднего Востока, в промышленно развитые государства-члены ЕС и страны Северной Америки, а также на расширении сети вузов. Это позволяет не только несколько снизить остроту проблемы занятости, но и увеличить суммы переводов мигрантов на родину: например, переводы египтян, работающих за рубежом, в 2010 г. составили \$12,5 млрд, а в 2020 г. - \$29,6 млрд².

Что касается численности безработных, то здесь официальная статистика заметно менее оптимистична: в большом числе стран уровень безработицы довольно высок, особенно среди представителей молодежной группы (см. табл. 3). Причем острота проблем безработицы среди молодых дипломированных спе-

² World Migration Report. 2022 // Migration and migrants: A global overview. Table 3. P. 21.

циалистов и «утечки мозгов» усиливается. Кроме того, явно обозначилась растущая нестыковка между специальностями, по которым вузы готовят кадры, и запросом со стороны компаний и предприятий.

Эта проблема имеет ярко выраженный не только общенациональный, но и глобальный характер. Решение её связано как с поддержкой малого бизнеса, дающего наибольший прирост рабочих мест, так и с привлечением внешних капитальных ресурсов, современных технологий, современной деловой этики, причем той, которой чужда коррупция. К ней тесно примыкает борьба с бедностью, являющейся также острой общенациональной и глобальной проблемой.

Вопрос стоит во многом так: какое общество формируется в XXI веке в рассматриваемых странах - общество бедняков или общество благоденствия, гетерогенное, более или менее консолидированное, или дифференцированное, разделенное, или некий «микс»? Что говорит статистика о тенденциях по этому вопросу?

Таблица 3 позволяет оценить степень социальных контрастов в странах Северной Африки и в ближневосточных государствах в 1990-2022 гг. Для сравнения приведем показатели по некоторым другим государствам и в мире в целом. Так, доля населения с прожиточным уровнем ниже черты бедности (менее \$1,9 в день) в Германии и Франции - 0,0; Израиле - 0,2; Японии - 0,7; США - 1,0; в среднем по региону БВСА - 7,1; в мире - 8,6; в среднем по региону Южной Азии - 15,3, в Индии - 22,5; в Гане - 12,7; ЮАР - 18,7; Гвинее - 23,2; Эфиопии - 30,8; Нигерии - 39,0.

Данные таблицы 3 указывают на то, что доля населения с самыми низкими доходами велика среди стран Северной Африки лишь в Судане, где она заметно превышает соответствующий показатель в среднем по миру, и существенна в Египте и Мавритании. Правда, нет особых сомнений в том, что официальная статистика в немалом числе государств преуменьшает масштабы бедности. На это указывают данные относительно высокой доли безработных среди самодельного населения и приводимые для сравнения показатели уровня душевого дохода в других странах и регионах мира, близких по уровню социально-экономического развития.

* * *

Во второй статье более подробно будет рассмотрено влияние глобализации на происходящую эволюцию социального облика стран Северной Африки. Сама глобализация предстает в целом ряде аспектов как неоднородное противоречивое явление, переживающее на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. кризис, затронувший всю мировую цивилизацию.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Формы и направления повышения инклюзивности научно-технологического потенциала в североафриканском регионе. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. М. ИАФР РАН, 2022, с. 44-50. Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. 2022. Building scientific and technological capacity in North African countries and enhancing its inclusiveness / Scientific and technological potential of modern Africa. Moscow. Pp. 44-50. (In Russ.)
2. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Социальная политика. Социальная структура. Рабочий класс: поиск новых векторов дифференциации. *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 54-61. Andreeva Yu.V., Lukyanova E.L. Social policy. Social structure. Working class: search for new vectors of differences. *Sociology Studies*. 2018. Moscow. № 10. Pp. 54-61. (In Russ.)
3. Anushiravan Ehteshami. 1999. Is the Middle East Democratizing? *British Journal of Middle East Studies*. № 26 (2), p. 204.
4. Ближний Восток и Северная Африка: процессы модернизации и международная безопасность. М. 2016. ИАФР РАН. С. 47-185. 2016. The Middle East and North Africa: Problem of Modernization and International Security. Pp. 47-185. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ткаченко Константин Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Research Fellow, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.10.2022